

К 1439576

Медведь с заплатой на ухе

Наталья
Мелёхина

Серия «Здравствуйте. Я пишу...»

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Наталья Мелёхина

Медведь
с заплатой на ухе

К1439576

Вологда

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)-44

М47

84(2 = Рук)С

Мелёхина, Наталья Михайловна
М47 Медведь с заплатой на ухе / Наталья Мелёхина. –
Вологда: Легия, 2012. – 28 с.

ISBN 978-5-89791-096-0

Книга из серии «Здравствуйте. Я пишу...»

*Автор благодарит фотографа Владислава Уханова
за дизайн обложки.*

Серия «Здравствуйте. Я пишу...» пополнилась книгой прозы вологодской писательницы Натальи Мелёхиной.

Рассказы, представленные в сборнике, пронизаны восхищением людьми и уважением к жизни, несмотря на то, что она сурова и трагична. Автор находит то важное и дорогое, что примиряет человека с любыми обстоятельствами. Рассказы Натальи вызывают полное доверие, поэтому их легко принять и полюбить.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)-44

ISBN 978-5-89791-096-0

9 785897 910960

© Мелёхина Н.М., 2012
© Уханов Владислав, дизайн обложки, 2012
© Оформление. ООО «ИПЦ «Легия», 2012

Медведь с заплатой на ухе

Светило ясно солнышко и ночью, как днём,
Не бывает атеистов в окопах под огнём.
Егор Летов

В кабинете заведующего гастроэнтерологическим отделением с утра было празднично, как в День медицинского работника. Звали заведующего Иван Лапушкин, причём фамилия Ивану Андреевичу никак не подходила. Какая там «лапушка»! Здоровенный лысый мужик под два метра ростом, он походил скорее на корсара с корвета под чёрными парусами. Отделением своим Лапушкин управлял, как и положено капитану, властно и страстно. А сейчас врача ещё и ссадина украшала во всю щёку – больной поцарапал. Этой ночью привезли на отделение алкаша. Наряд милиции нашёл бомжика в центральном парке в полубесчувственном состоянии после неумеренного употребления настойки боярышника. Таких «клиентов» развозили по больницам: кому голову проломили – того на нейрохирургию, со сломанной ногой – на травму, а у кого вся брюха внутри от пьянки продырявлена, того к гастроэнтерологам. К утру после капельницы алкашу стало настолько легче, что он начал приставать к медсёстрам и даже пытался воевать с самим Лапушкиным. Иван Андреевич выписал пациенту целительную затрещину и пообещал, что если тот немедленно не успокоится, выкинет его из отделения загигаться с его чёртовым панкреатитом прямо на улице. Бомжик, лечившийся у Лапушкина уже не в первый раз, прекрасно знал, что бывает при остром панкреатите без должного лечения и ухода. Он как-то сразу присмирел, залёг на свою койку в палате и заснул.

Но то были ночные химеры, а сейчас Иван Андреевич принимал дорогих гостей – маму своей давней пациентки Евгению Дми-

триевну и журналиста Сашку Матюшкина. Рядом с ними улыбалась и смущённо переминалась с ноги на ногу старшая медсестра. В руках она держала букет ярко-жёлтых хризантем и большую коробку дорогих конфет. На столе у доктора лежала такая же коробка и икона Святого Пантелеймона Целителя.

Сашке сейчас было немного смешно при виде этих подарков: сладкого Иван Андреевич не ел даже на закуску, а в Бога не верил. Правда, дарёные иконы исправно развешивал по стенам, объясняя что-то про лечебную силу самовнушения, но Сашке всё чудился в его пояснениях иной смысл, в котором врач и сам себе не хотел признаваться. Тем временем дары счастливой матери ещё не иссякли.

– Это вам, Александр, – повернулась к корреспонденту Евгения Дмитриевна, вынимая из пакета очередной свёрток. – Я не знаю, есть ли какие-то святые покровители у журналистов, не нашла в святцах. Поэтому примите от нашей семьи в дар икону Божьей Матери. Спасибо огромное! Без вас мы на Машу денег точно не насобирали бы столько. На всё хватает: и на витамины, и квартиру сняли в Москве... И вот ещё сама Маша просила вам передать – на память.

Женщина вместе с иконой протянула Сашке мягкую игрушку – серого медведя с заплаткой на голове. У молодёжи сейчас было модно дарить друг другу именно таких медвежат – серых, с заплатками на лапке или на макушке. Продавались и тетради с изображением этих мишек, и ручки, и сумки, и весь остальной девический арсенал, без которого никак невозможно в юности выразить все свои такие бурные, такие нежные чувства. А Маше едва-едва исполнилось восемнадцать лет. Девушка-красавица, курносая, голубоглазая, да ещё и невысокого роста, да ещё и с такими соблазнительными округлыми формами: крутые бёдра, высокая грудь и при этом тонкая-тонкая талия. Сашка и сейчас, как вспомнил, так невольно вздохнул. Хоть бросай шапку наземь и кричи, как Иван-дурак, от восторга: «Эх, Марья-краса, русая коса!» Только на этот крик девушка ничего не ответила бы. Она страдала редким и трудно излечимым заболеванием гортани и пищевода: ей было больно даже разговаривать. Требовалась операция, а денег у родителей не хватало. Сашка написал статью об этом, и, как обычно, под материалом дали расчётный счёт. Иван Лапушкин, как лечащий врач, нашёл специалистов в Москве, своих знакомых ещё по учёбе в институте имени Сеченова. Операция прошла успешно, и теперь хоть и предстояло Маше долгое восстановительное лечение всё в той же сто-

лице, зато жизни её больше ничто не угрожало. Поэтому и вручала сегодня подарки счастливая Евгения Дмитриевна. После раздачи конфет и медведей она распрощалась и ушла в сопровождении медсестры. Сашка задержался у Ивана Андреевича, всё пытался запихать в свою сумку мягкую игрушку и икону, но там уже лежали фотоаппарат, диктофон, блокнот, стопка итоговых протоколов с фестиваля боевых искусств, папка из областного суда, поэтому то козослапый не влезал, то образ.

– Мешок тебе надо, как у паломника! Тебе ещё туда лампадки со свечками не хватает, корреспондент Божий, – схохмил довольный врач и посерьёзней. – Есть у меня для тебя тема, Саша. У Семёна Моисеевича пациентка, – ну ты его знаешь, с онкологической больницы он, – так вот тоже бы надо её в Москву отправлять. Там с желудком беда такая, что никак без операции, а денег нет. Я вот тебе телефончик этой женщины черкнул – Светлана Боброва её зовут. На консультацию ко мне приходила. Просила с тобой связать.

– Взрослая пациентка? – Сашка бросил бесплодные попытки упихать медведя в сумку, взял бумажку с телефоном и присел за стол к медику.

– Взрослее не бывает. Сорок пять – баба ягодка опять. А тебе всё бы про девок молодых писать! Ишь разохотился! – Иван Андреевич шутил, а сам смотрел на корреспондента и думал: а чего бы Сашке и не разохотиться? Журналист был молод – и тридцатника ещё не стукнуло. Не женат. Пусть невысокий, но зато ладно по-мужски сложен – широкоплечий, узкобёдрый. Да и на лицо приятный – правильные черты, глаза северные, светло-серые. Волосы – русые и даже вьются слегка. Весь какой-то мягкий, в движениях плавный, неторопливый. Конечно, девчонкам он нравился, вот и Машке Мироновой приглянулся. Иначе не прислала бы она ему медведя с заплаткой под пушистым ухом.

– А Матвей? – поинтересовался журналист, хоть и очень боялся ответа на свой вопрос.

– А что Матвей, Саша? – перестал улыбаться Лапушкин. – Матвея нет.

– Давно?

– Месяц назад. Родители его тебе не позвонили?

– Нет. Там, в Питере? – коротко уточнил Сашка. Матвей был семнадцатилетним мальчишкой, и ему тоже, как Маше, собирали деньги на операцию, и тоже нашли нужную сумму, и всё, что нужно,

в медицинском центре в Санкт-Петербурге врачи сделали. Просто Маше повезло, а Матвею – нет.

– В Питере, – кивнул врач. Помолчали. Потом Лапушкин нарушил тишину.

– А ты, Саша, сегодня вялый какой-то, апатичный, я бы сказал. С печенью всё ли в порядке? Может, на УЗИ к нам сходишь? А то в последний раз мы с тобой изрядно печёнкам навредили.

Время от времени журналист и гастроэнтеролог выпивали вместе и всегда только водку. Весь остальной алкоголь Лапушкин считал отравой, а про водку говорил: «Тоже яд, не только вредный, но иногда и полезный». Обои́м собутыльникам алкоголь был строго противопоказан: у Сашки – хронический гастрит, у Лапушкина – панкреатит. Оба плевали на табу, потому что кругом только и встречались с разнообразными запретами, с болезнью, тленом, а когда вокруг слишком много оград и оградо́к, так и подмывает их перепрыгнуть. Вот и перепрыгивали. Выпив, спорили до красных рож по самым разным поводам. Например, о Боге. Иван Андреевич с помощью теории и истории медицины пытался убедить Сашку, что атеизм – единственный верный путь для разумного человека, а Сашка цитировал то Булгакова, то Канта, то Библию. Путались в именах учёных и писателей, не могли с первого раза произнести «Навухудоносор», сорвав голоса, выдавали друг другу самые сокровенные тайны уже шёпотом...

Закусывали остатками каши из больничной столовки. Их приносила санитарка Таня, полненькая добрая дурнушка, жалевшая Ивана Андреевича за то, что тот часто ночевал на работе. Спонсором закуси всегда был стол №1Р – для людей, которым удалили желудок. Их каши всегда оставались недоеденными – без соли и сахара, без молока и масла для больных, у которых никогда не бывает аппетита. Иногда к собутыльникам присоединялся заведующий эндоскопическим отделением Бауэр – тихий и какой-то весь ласковый поволжский немец, очень худой и с бесцветными глазами. Его отца, тоже врача, во времена Сталина отправили в ссылку в этот далёкий северный город, да тут и забыли. Бауэр-младший продолжил династию. Во время попоек он в основном молчал, много слушал. Казалось бы, в беседах не участвовал, но когда не приходил, становилось без него как-то тоскливо, чего-то не хватало. Как-то Сашка спросил у Лапушкина, почему Бауэр такой тихоня. Гастроэнтеролог без улыбки сообщил: «Так он же людям то в рот, то в задницу лазит, и всё без

мыла. Вот и нежный». Сашка тогда от неожиданности захохотал: он сразу вспомнил, как Бауэр делал ему ФГДС* и всё уговаривал потерпеть, ласково, и – правильно Лапушкин сказал! – нежно, как малыша. Сам гастроэнтеролог даже не улыбнулся: «Эх, Саня, ничего ты не понимаешь! Не взяли бы тебя в доктора! Ты сам-то представь, каково это – в живого человека до самых печёнок шланг запихивать». После пьянок Лапушкин, мучаясь от боли из-за обострения панкреатита, колол себе баралгин, а Сашка просто маялся похмельем, но, как ни странно, обоим становилось легче.

Строго говоря, Александра нельзя было назвать воцерковлённым верующим, потому что в Бога журналист не верил. Он знал, что Бог есть. С некоторых пор для Сашки это была очевидная истина, доказательств она не требовала, как аксиома. За свою семилетнюю карьеру журналист уже привык ничему не удивляться: да, так было – исцелялись безнадежные больные после паломничества к мощам святых, да, в храме Покрова Богородицы после молитв перед иконой Всецарица выздоравливали пациенты с онкодиагнозами. Чудотворный образ храму подарила обычная прихожанка, ничем не примечательная женщина. Да и лик был вовсе никакой не старинный. Стандартный современный список с «Пантанассы». Настоятелем в этой церкви был давний знакомец Сашки – отец Вячеслав, до принятия сана трудившийся хирургом. Спустя несколько месяцев после того, как икону внесли в храм, к отцу Вячеславу обратилась женщина, уже отчаявшаяся исцелиться от рака лёгких. Священник потом рассказывал журналисту: «Образ этот чудотворный», – говорит мне Татьяна. – «Я исцелилась. Богородица во сне ко мне приходила, сказала: «Будешь здорова». А я, Саша, сам врач, понимаете? Я священник, конечно, но я же ещё и врач. Я не поверил ей, представляете? Я священник, но я не поверил! Заставил медицинскую карту принести. Испугался. Вдруг она нафантазировала себе что-то, а на самом деле больна. Прости, Господи! Здорова она! Здорова... Все анализы её просмотрел десять раз. Здорова... Слава Богу! Господи, помилуй нас грешных!»

* Фиброгастродуоденоскопия (ФГДС) – методика осмотра желудка и двенадцатиперстной кишки с помощью оптоволоконного зонда, который вводится пациенту в желудок через ротовую полость и пищевод.

На Лапушкина эти истории никак не действовали. Он тут же начинал рассказывать про чудеса самовнушения. Такие заковыристые медицинские термины употреблял, что журналисту оставалось только махнуть рукой и остаться при своём мнении. Сашка познакомился с Иваном Андреевичем в самом начале своей карьеры. Тогда журналист только-только начинал вести рубрику «SOS!» в областной газете. В этой рубрике, выходившей нерегулярно, публиковали материалы о людях, которым требовалось собрать деньги на лечение. Обычно такие темы поручали молодёжкам журналисткам, желательно ещё совсем зелёным девчонкам, чтобы пока без детей и чтобы без царя в голове, весёлым и отчаянным. Только их нерастраченных жизненных сил хватало на встречи и беседы с обречёнными больными, разочарованными врачами, сытыми чиновниками и отчаявшимися родителями. Человеку не из журналистского цеха могло показаться, что о чужом горе лучше всего написал бы корреспондент с опытом, поживший и повидавший, но на деле это было не так. Как раз «пожившие и повидавшие» быстро сбегали, отказывались от рубрики. Чужое несчастье оказывалось заразной болезнью, и, чтобы не захворать, требовался иммунитет по-звериному здорового юного тела.

В газете, куда после института пришёл работать Сашка, коллектив подобрался исключительно мужской. Единственная женщина, заместитель редактора, только-только вернулась из декретного отпуска и пока занималась лишь темами культуры и образования. «Дедовщину ещё никто не отменял, – честно объявил тогда главный редактор Сашке. – Только банковские реквизиты внимательно читай и проверяй по несколько раз, а то если ошибка будет, от читательских звонков не отобьёшься».

С тех пор Сашка всегда по несколько раз тщательно проверял номера счетов и ни разу не запутался в этих змеиных клубках из длинных чисел. За семь лет он познакомился почти со всеми докторами всех больниц в небольшом областном городе. Хорошо знал чиновников от здравоохранения, наизусть помнил, по какому номеру надо позвонить, если не удаётся пробить квоту на высокотехнологичную помощь, или получить инсулин, или лечь в областную больницу на плановый осмотр... Знал многих священников. Всем онкобольным на всякий случай рассказывал про образ Всецарицы.

Сашке иммунитета хватило на три года, а потом слёг с чудовищным гастритом, который только благодаря стараниям Лапуш-

кина не обернулся язвой. Тем не менее, рубрику свою журналист не бросил – не смог. Поначалу парню всё казалось, что он привыкнет к теме болезни так же, как привык к другим своим темам – спорту и социальным новостям. В конце концов, не удивлялся же он, когда разворовывали средства на строительство нового бассейна, не изумлялся, что чемпиону мира не хватает денег на тренировочные сборы. Но привыкнуть не удавалось. Только появился какой-то мучительный талант с первого же взгляда на человека определять: выкарабкается или нет. Больше всего Сашка боялся за больных двух типов. Первый – внешне пышущие здоровьем люди, с блестящими волосами и гладкой кожей. Такие обычно абсолютно, на все сто процентов были уверены, что обязательно справятся с неожиданно свалившейся на них болезнью. Они перешагивали опасную грань так быстро, что родные и близкие потом ещё долго не могли не только осознать их смерть, но даже поверить в диагнозы, и годами всё искали какие-то врачебные ошибки, фатальные обстоятельства, с лупой читали медицинские карты... Второй тип – люди с потухшим взглядом, уже смирившиеся со своей участью, в беседах они слушали Сашку, как будто через плотную дымовую завесу, словно его голос был всего лишь эхом, тенью из мира, уже погрузившегося в сумрак.

Некоторым героям и читателям рубрики казалось, что деньги легко решают вопрос с выздоровлением. Но Сашка знал: у смерти свои расчёты. Бывало, умирали дети богатейших родителей, и выживали те, кому денег на операцию так и не собрали... И вообще Сашка давно сделал вывод: у единственного, самого любимого ребёнка в семье всегда меньше шансов в этой лотерее, чем у воспитанника детдома. Состоятельный больной купил донорскую почку, и она не прижилась. Нищий парень, нуждающийся в пересадке сердца, отправился в Москву, едва собрав деньги на билет. С трудом добравшись до медицинского центра, на его пороге свалился с сердечным приступом и попал на операционный стол как раз в тот самый момент, когда в больницу привезли донорский орган, и пересадили ему сердце бесплатно, без очереди, потому что не пересадить в тот момент было бы преступлением... «Мне «моторчик» под правильным углом сам Шумаков* устанавливал!» – с гордостью со-

* Шумаков Валерий Иванович – выдающийся советский российский хирург, один из основоположников клинической трансплантологии в СССР и России.

общал журналистам Виктор, ставший единственным в регионе человеком с пересаженным сердцем. В его случае не было бы счастья, да несчастье помогло. Спустя несколько лет Витя пришёл на приём в областную больницу, чтобы лечь на плановый осмотр, да забыл дома постельное бельё. Больные уже давно приходили со своими комплектами наволочек-простыней, потому что на «мягкий инвентарь» финансирование сократили чуть не до нуля, а старое бельё в больнице уже давно износилось до состояния марли. Витя сел в автобус и поехал домой за пододеяльниками. На конечной остановке парня нашли мёртвым – приступ случился прямо в пути тихо и незаметно: «моторчик» остановился...

У Сашки в памяти хранилось множество таких воспоминаний. Вот уже лет пять он боялся снов. Когда снилось, что плывёт он, пересекая мутную реку, или захлёбывается жижей в болоте, Сашка знал: кого-то не стало. Когда память и сновидения начинали совсем уж одолевать, когда они мучили, будто постоянная изжога, по совету отца Вячеслава Сашка начинал читать все молитвы Богородице, какие знал, твердил по получасу: «Избави меня от многих и лютых воспоминаний». Помогало. Ещё можно было пойти и выпить с Лапушкиным, но потом голова сильно болела, да и желудок резало. Сегодня ночью Сашка видел сон: он нырнул в чистейшую прозрачную воду небольшого лесного озера, и поначалу плыть было так легко и приятно, и волны ласкали, и славно пахло свежестью и водорослями, но, в конце концов, водная гладь предательски колыхнулась, загустела, как сироп, и обернулась коричневой жижей... Теперь журналист всё понял. «У Маши операция прошла удачно. А Матвея теперь нет», – с этой мыслью Сашка вышел от Лапушкина. Открыл дверь и вздрогнул от неожиданности: в облезлом и тускло освещённом коридоре стояла высокая, худая, как скелет, старуха. Очевидно, она совсем недавно поднялась с постели, потому что волосы её, лёгкие, седые, неприбранные, лохматились по обе стороны от лица, и приплюснутой шапкой слежались на макушке. Фланелевый халат пациентка завязала на поясок кое-как, неряшливым узлом, на старые тапки сползли грязными лужами растянутые шерстяные носки.

– У себя Иван Андреевич? – тяжело опираясь на палку, осведомилась женщина.

– У себя, – подтвердил Сашка и вновь попытался запихать медведя в сумку. Журналисту хотелось поскорее выйти на улицу, потому что по больнице угарным смогом расползлся запах гречневой за-

пеканки с мясом, а Сашка ведь и сам когда-то лежал на гастроотделении, и тоже глотал все эти запеканки, всю эту искусственную еду, прокрученную, проверченную, протёртую, отваренную, отпаренную, запечённую, обезжиренную, отжатую... После недели такого питания любая пища начинала казаться угрозой для желудка, ядом замедленного действия. «Скоро полдник», – отметил Сашка по привычке. Старушка без стеснения рассматривала молодого человека с головы до пят. Особенное внимание привлёк модный медведь.

– А ты, случаем, не к Нинке нашей пришёл? – начала допрос пожилая пациентка. – Ей уж третьего медведя приносят... Девка – дрянь! Брось её! То с одним из палаты уходит, то другой её проведывает. Убежит на улицу, вернётся, куревом от неё несёт, хоть проветривай... Спасибо хоть в палате не дымит!

– Нет, я не к Нинке, – заверил Сашка.

– А ко мне никто не приходит, – вдруг доверчиво призналась женщина. – У меня сын только, да он пьёт всё время.

Сашка порылся в своей бездонной сумке и со дна вытащил горсть молочных карамелек.

– Угощайтесь! – журналист высыпал конфеты в подставленную сухонькую ладошку.

– Хорошо, что не шоколадные, – серьёзно заметила женщина. – Мне шоколадных нельзя, у меня полжелудка вырезано. Пищевод почти к кишечнику пришит.

– Ничего. И так тоже люди живут, – успокоил Сашка. Он понимал, что сейчас вдвоём со старухой они разыграли небольшую сценку: якобы, он, Сашка, пришёл её проведывать и принёс пусть малюсенькую, но всё-таки передачу. На мгновение иссохшая от болезни женщина вновь ощутила себя девчонкой, и даже её губы, на прощание растянувшиеся в улыбке, по-молодому порозовели.

Медведь в сумку так и не влез. Выйдя из больницы, Сашка с удовольствием глотал холодный ноябрьский воздух, который изгонял, замещал собой в лёгких воздух больницы, пересушенный, прогорклый, как старое масло. Первый снег уже выпал, ночью подморозило, а утром потеплело, и теперь весь город окутал сырой туман. Молодой мужчина специально шёл не спеша, чтобы немного прийти в себя, чтобы с каждым шагом ощущать: «Я жив. Вот я иду по улице, дышу, думаю, существую. Я иду на работу. Я не болен. По крайней мере, не настолько, чтобы оказаться там в этих тесных душных палатах, в этих

облезлых коридорах. И это не мне нужно дожидаться обхода врачей, и не для меня будут звучать сегодня призывы медсестёр: «На капельницу! На уколы! На УЗИ! На ФГДС!». Если только можно, Господи, пронеси мимо эту чашу! Господи, не мне, не моим родным!»

Сашка намеревался зайти в ближайший супермаркет, чтобы купить что-нибудь к чаю. И вдруг рядом с магазином услышал детский плач. Сначала подумал: показалось! А потом увидел и сам источник звука – парнишку лет десяти, который размазывал по щекам горячие, даже дымящиеся на холодном воздухе слёзы. Сашка оглянулся: нет ли вокруг отца или матери пацана? Может, просто родители отказались купить ему какую-нибудь приблуду в супермаркете? Но к мальчишке никто не подходил. Прохожие равнодушно спешили мимо с одинаковыми бесплатными магазинными пакетами в руках.

– Мальчик, ты почему плачешь? – поинтересовался Сашка.

– Я... я... я не знаю, как найти Юбилейный мост, – выдал парнишка, со страхом разглядывая журналиста. Наверное, как и всех современных детей, его строго-настрого проинструктировали не разговаривать с незнакомыми мужчинами.

– Это совсем рядом отсюда. Ты что потерялся? – догадался Сашка.

– Ага. Мы с классом пошли в музей. Потом стояли тут на остановке. Все сели в автобус, а я к ларьку пошёл за соком. Вернулся, а автобус уехал, и все уехали, а я остался... Мне домой надо. Я знаю, как от Юбилейного моста до дома дойти, а отсюда как идти, не знаю.

– Мне как раз в ту же сторону нужно. Но сначала к чаю хочу булок купить. Так что пошли со мной в магазин. Там хоть согреешься немного, а то, смотри, нос у тебя как посинел. А потом провожу тебя.

Парнишка только кивнул и вслед за Сашкой послушно отправился в супермаркет. Так и ходил по магазину за журналистом, как хвостик, а Сашке всё это время вспоминалось слово «импритинг» и его определение, прямо цитатой из какой-то давно прочитанной и уже забытой энциклопедии: «импритинг – «реакция следования» зрелорождающихся птенцов или детёнышей млекопитающих за родителями и друг за другом». В магазине мальчишка поуспокоился и на Сашку смотрел теперь без скрытого ужаса: наверное, в его представлении маньяк – похититель детей не мог питаться сладкими булочками и песочным печеньем с начинкой из джема.

К расспросам парнишка приступил уже на улице.

– А откуда вы шли? – поинтересовался он.

– Из больницы.

– Вы там работаете? Вы врач?

– Нет, я не там работаю, – ответил Сашка и, чтобы уж совсем успокоить своего юного спутника, объяснил. – Я журналист, работаю в «Северной правде». Редакция у нас недалеко от Юбилейного моста. Вот я тебя и провожу.

– Ух ты! Журналист! – мальчик даже подпрыгнул от восторга. – А вы на войне были? Журналистов ведь всё время на войну посылают.

Сашке такая реакция польстила, он невольно улыбнулся.

– Нет. Я не был на войне. Мой коллега был в Чечне. Он мой тёзка. Я Александр Матюшкин, а он Александр Чернов. Он, кстати, книгу свою о героях Чеченской войны презентует сегодня вечером в библиотеке. А тебя как зовут?

– А я Виталик. – Мальчишка не забывал прокатиться на первом льду каждой замёрзшей лужи и так быстро бежал вперёд, что Сашка едва поспевал за ним, словно это паренёк показывал ему путь к мосту, а не наоборот. Иногда журналисту приходилось хватать ребёнка за воротник куртки и добавлять «Осторожней!», потому что от избытка энергии Виталик то и дело норовил выскочить на бордюр тротуара, слишком близко к оживлённой проезжей части. – А вы о чём пишете?

Боясь уронить свой авторитет в глазах подрастающего поколения, Сашка тут же перечислил:

– О спорте, о здоровье, об интересных людях...

– И о футболе?! – вновь восторженно воскликнул Виталик. – А вы с кем-нибудь из нашей сборной общались? С Аршавиным? С Павлюченко?

– Мне больше советские футболисты нравятся, Лев Яшин, например, – поморщился Сашка. Он не любил разговоров о футболе. Одиннадцать миллионеров гоняют по полю мяч, ещё двенадцать сидят в запасе, а нищая страна приникла к телеэкранам и всё ждёт и ждёт каких-то побед... У миллионеров они, действительно, случаются – на финансовом поле. Вот только стоит ли объяснять всё это ребёнку? Сашка не сразу, но ответил:

– С Аршавиным и Павлюченко судьба не сводила, а вот у Дика Адвоката как-то брал интервью...

Журналисту не хотелось рассказывать, но он всё-таки очень кратко, нарочно избегая подробностей, описал мальчишке, как ездил в Питер по заданию рекламодателя: сотовый оператор спонси-

ровал матч и устроил пресс-конференцию с известным тренером для провинциальных журналистов... Виталик забросал Сашку вопросами, так незаметно, очень быстро дошли до Юбилейного моста. Распогодилось. Даже солнышко, будто стесняясь и кокетничая, выглянуло из-за грязной занавески тумана. Спутники распрощались на светофоре у перекрёстка.

– Может, тебе денег на автобус дать? – поинтересовался Сашка у Виталика.

– Не-а, не надо! Я дальше дорогу знаю! – чем ближе подходили к мосту, тем лучше становилось настроение у мальчишки, и сейчас Виталик просто сиял от радости.

– Может, медведя у меня заберёшь?

– Нет, спасибо! Он девчачий!

– У тебя дома-то кто-нибудь есть сейчас? Может, маме позвонишь?

– У меня телефона нет. Я уже три раза сотовый терял. Больше не покупают...

– Так с моего позвони.

– Я номер забываю всё время: не то пять и шесть на конце, не то пять и восемь. Да это фигня! У меня ключи есть от квартиры.

– Значит, ключи не теряешь? – усмехнулся Сашка.

– Теряю, – сознался мальчишка. – Но ключи не так дорого новые заказать. А я теперь читать вас всегда буду. Скажу, чтоб мама газету купала.

– Давай, читай. Не теряйся только больше!

Стало понятно, почему Виталик отстал от класса, и Сашка ругал мысленно учителей, не уследивших за любопытным растеряшей.

– Хорошо, Виталька, сейчас будет зелёный, переходи дорогу, а я посмотрю, как ты войдёшь на мост.

Сашка остался стоять на месте до тех пор, пока мальчишка не пересёк благополучно дорогу. На прощанье Виталик повернулся, помахал рукой, а потом быстро побежал через мост, навстречу разгоняющему туман полуденному солнцу. Яркие лучи внезапно поднимающегося из серого марева косматого шара так больно ударили Сашку по глазам, что он даже прикрыл лицо рукой...

...Вечером того же дня Сашка вместе с другими коллегами поздравлял в областной библиотеке Саню Чернова, у которого, наконец-то, вышла книга. В этом сборнике Сашкин тёзка поместил

все свои очерки о земляках, офицерах и рядовых, погибших в Чечне. Пришли бойцы ОМОНа, воины-интернационалисты, побывавшие в самых разных горячих точках, от Афгана до Кореи, и те, кто сейчас ездит в командировки в Чечню, и те, кто своё уже давно отслужил. После презентации близкие друзья Сани Чернова отправились в кафешку неподалеку, чтобы в своей компании отметить выход книги и помянуть товарищей. За столом все перемешались, бойцы и журналисты, и вскоре закипели разговоры, и звенели возмущенно от крепких ударов стеклянные бока стопок, и книжка гуляла из рук в руки. У Сашки после напряжённого дня и графинчика водки уже шумело в голове, но спасительное забвение не приходило. Память, как мясорубка, всё вертела тяжёлый и жирный фарш бессвязных воспоминаний, добавляла в него цветистые диагнозы, сухие крошки имён и лиц, белёсые опухоли и багровые язвы, и запахи гречневой запеканки, и постной каши, и стоны, и просьбы, и тихий вой в подушку...

– Тоже воевал, что ли? – вдруг спросил его один из омовцев. Сашка узнал его – Вадим Головиченко. Вместе с ним и другими ребятами Саня Чернов и ездил по заданию редакции в Чечню во вторую кампанию.

– Нет, не воевал. – Следующую фразу произнести было особенно стыдно, но, как кролик перед удавом, глядя в глаза Вадима, Сашка отчеканил, будто отчитываясь перед командиром. – Я и в армии-то не служил.

– В аварии был? На чём – на машине, мотоцикле, на поезде? – деловито поинтересовался Вадим, оставив без всякого внимания признание «не служил».

– Нет, не был я в аварии.

– Ну а что с тобой тогда? – искренне удивился Вадим.

– В смысле? – не понял Сашка.

– Да в прямом! Меня не обманешь: у меня теперь на всю жизнь чуйка: сразу вижу, кто со смертью познакомился.

И Сашке вдруг показалось, что все звуки в кафе стихли, отдалились, и здесь в прокуренном маленьком зальчике они вдруг остались вдвоём с Вадимом, и Сашка с облегчением, чувствуя, как мясорубка со скрежетом останавливается, как спокойно и ровно начинает биться сердце, признался:

– Да я рубрику такую веду, где больным деньги на операции собирают. И вот сегодня пришёл в больницу и мне рассказали, что

одной девчонке операцию сделали, и Машка теперь жить будет, а Матвею тоже сделали, но не помогло.

– У каждого своя война, – кивнул Вадим. – Тебя ведь Саня вроде зовут? – Сашка улыбнулся и молча кивнул. – Так, давай, Саня, выпьем, чтобы все возвращались.

И они выпили. Уже поздно ночью Сашка пешком возвращался домой. Шагал, пошатываясь, по пустынной улице, зная, что завтра сведёт с утра желудок и будет болеть голова. А пока... Пока ничего не болело, и окончательно выяснило небо, подмораживало, и огромная луна сменила на боевом посту солнце. Путались в голове мысли: «Пусть все возвращаются. И Матвей, и Виктор, и я, и Вадим, и Лапушкин, и Бауэр, и отец Вячеслав, и Танька-санитарка, и бабка та с отделения, и Маша, и Виталик... Все мы топчемся у моста, давим друг другу на ноги, прижимаемся плечом к плечу. Каждый у светофора: одним зелёный горит, другим – красный, а кому-то всю жизнь жёлтый, и всё ждёшь, ждёшь чего-то... Одних провожаешь, других встречаешь. Машешь рукой, то прощай, то здравствуй... Вот женюсь, хорошо бы на такой, как Машка Миронова, чтоб родной стала, чтоб мягкая, нежная... Сын будет, Виталиком назову... Правильное имя – «жизненный», чтоб жизнь в нём играла, и пусть теряет ключи и телефоны, играет в футбол. Или Артёмом, «здоровый», и чтобы никаких войн, и никаких болезней... Или девчонка, дочка, тогда Валерия, «крепкая», и медведей с заплатами на ушах пусть ей женихи носят охапками... Спаси и меня, и её, и бабушку эту без желудка, и Витальку, и Саню, и Вадима, и Ивана...»

И Сашка стал перечислять имена всех, кого знал, но потом ему показалось, что список на спасение подан не полный, что он кого-то забыл, и тогда он начал заново и снова сбился, и начинал ещё не раз, и, наконец, отчаявшись, просил уже просто: «Всех, всех нас спаси, сохрани и помилуй, -и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятый, и от всех действ злых свободи мя. Яко благословена еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков...»

Наследники

Дядя Гриша посмотрел правым глазом на икону Спасителя и шёпотом произнёс:

– Господи, помилуй! Помоги заснуть, Господи!

Левый глаз не открывался. Там, под веком, что-то саднило, режало и пекло. В соседней комнате шумно играли правнуки, но дядя Грише мешали заснуть не звонкие голоса ребятишек, а боль в глазу и шум в голове, по тональности напоминающий звук пилы-болгарки. Как раз вчера он до захода солнца работал с такой пилой. Ах, какой это был удачный день!

С утра дядя Гриша как обычно отправился на поиски металла. Поехал на дрынке в отдалённую нежилую деревню. «Дрынками» в деревне называют мотоблоки за характерный звук двигателя «дры-ры-ры». Вообще-то это чудо техники предназначалось для того, чтобы пахать грядки на огородах, но мужики приноровились прицеплять к мотоблокам самодельные телеги.

В сельской местности действовал закон взаимозаменяемости вещей, как в живом организме. Деревня реагировала на утраты, как живая плоть. Поскольку ни у кого не было денег на покупку тракторов, стоивших как иномарка уровня VIP, в обиходе появились дрынки. А когда держать скотину стало невыгодно из-за невыносимой дороговизны кормов, крестьяне потихоньку избавились от коров и бычков, оставив только неприхотливых в содержании свиней. Денег, чтобы покупать молоко и мясо в магазине, конечно, от этого не прибавилось. Тогда мужики один за другим стали вступать в общество охотников. Почти каждый в деревне браконьерничал: без лицензии добывал лосей и кабанов, заменив в рационе своих семей домашнее мясо на дичь. Когда зарплаты в колхозе упали ниже некуда, у всех нашлись какие-то дополнительные заработки, а кто-то из колхоза уволился и встал на биржу труда в райцентре. Пособие всё равно выше, чем зарплата, да и здоровье гробить не нужно. Дядя Гриша нашёл свой способ получить прибавку к пенсии – собирал металл.

В нежилом Непотягшине, куда он вчера ездил, стояла заброшенная зерносушилка. Дядя Гриша добрался до деревни всего за час и обнаружил, что до него здесь уже успели побывать другие охотники

за стальным мусором. От сушилки сохранился только бетонный фундамент: не только механизмы из толстого чёрного металла разрезали и увезли, но даже кирпичные стены давно разобрали. Дядя Гриша приуныл, но не сдался. Раз уж приехал, решил заглянуть в осиновые заросли по соседству, чтобы поискать грибов, но вместо подосиновиков нашёл старые ванны для зерна, поросшие мхом. Он тут же позвонил с сотового племяннику-трактористу. Саня хоть и поматерился для порядка, всё-таки опять дядя Гриша отвлекал его от работы, но быстренько явился на зов, прихватив с собой родного сына дяди Гриши – Игнаху. Племянники дядю Гришу сильно жаловали – он был ласков к ребятишкам, и когда-то в молодости не только своих сыновей, но и всех желающих мальчишек брал с собой на рыбалку-охоту, по грибы-ягоды. Теперь бывшие пацаны и сами стали отцами, но внимание и ласку дяди Гриши они не забыли...

Втроем мужики еле заворотили тяжеленные ванны в телегу трактора и к обеду успели вернуться домой. Вторую половину дня дядя Гриша, вооружившись болгаркой, колдовал над ваннами. Настроение у него было приподнятое. С этими железяками набиралось больше пяти тонн чёрного металла, а это значит, что уже можно вызывать машину с «Северстали» из Череповца – там самые выгодные цены на железный лом, но меньше, чем за пятью тоннами, они не поедут. Дядя Гриша отлично знал, на что потратит выручку. Девять тысяч рублей – для поездки на родину в Краснодарский край. С юношеских лет его сердце было разорвано на две части – северную и южную. Северная половина вечно хотела остаться дома с любимой женой Танюхой. Южная мёрзла суровыми вологодскими зимами и рвалась в родные горы, к матери и весёлым сёстрам, которые были так не похожи на сдержанную и гордую Татьяну. Между Северным и Южным полюсами на его планете никогда не заключалось перемирие.

Остаток заработка дядя Гриша запланировал потратить на покупку пластикового окна. Его пенсия почётного колхозника насчитывала чуть больше восьми тысяч рублей, сыновья работали тут же в деревне (только колхоз теперь назывался АОЗТ), получали парни по три-четыре тысячи. Тут уж не до покупки пластиковых окон, не до поездки к матери на Кавказ.

Именно поэтому, как только сходил снег с полей, дядя Гриша отправлялся на поиски металла в те места, где когда-то стояли деревни,

а теперь только зеленела непроходимая, десятилетиями некошенная трава. У него было огромное преимущество перед молодым поколением: сборщики металла помладше не всегда могли точно определить, где именно в густой траве когда-то стояли избы, где находились помойки, куда народ относил мусор, в том числе и металлический. Дядю Гришу память не подводила. Он мог забыть, куда спрятал вчера кусок арматуры, но зато в деталях помнил мельчайшие события минувших лет. Вот в Непотягшине, например, купила тётка Груня электрический самовар. В старом-то медном дырка у краника появилась, заклепать некому было, перевелись мастера. Тётка Груня снесла тогда негодный самовар под реку в ивняк. У дяди Гриши и сейчас всплывала эта картинка в памяти: вот идёт кряжистая, приземистая тётка Груня, ни дать, ни взять – чугунок в красном платке. Она несёт на вытянутых руках тяжёлый самовар, аккуратно ставит его под ивовый куст... И точно: в этом самом кусте спустя десятилетия дядя Гриша и обнаружил Грунин самовар, заросший осокой. Отчистил до блеска и продал его в антикварную лавку в райцентре за пятьсот рублей. Через месяц приехал: стоит самовар на полке, и ценник рядышком – десять тысяч пятьсот...

Дядя Гриша иногда чувствовал небольшие уколы совести: всё-таки он приходил в чужие деревни, пусть и вымершие, копался в чужом мусоре. При этом всякий раз вспоминались ему бывшие жители этих деревень, кто и как жил, где и как умер... Тётю Груню вот дети забрали в город, когда стала она совсем немощной. Груня там и годика не протянула, и всё просилась обратно в Непотягшино. Быстро на тот свет забралась... Но эти переживания быстро исчезали, как только выяснялось, что до следующей пенсии опять не дотянуть... Опытный сталкер, дядя Гриша, жалея молодых, отмечал заброшенные колодцы длинными оглоблями. В переплетении корней и стеблей эти страшные ловушки становились невидимыми. Прошлым летом в колодец угодил дяди Гришин племянник Серёга. Два дня парень просидел без еды и воды. Везунчик! Колодец оказался сухим и не очень глубоким, так что племянник даже не поцарапался, пока летел вниз. С собой у Серёги был мобильник, но сотовый со дна колодца сигнал не ловил. Хорошо, что парня быстро хватились, и все молодые родственники мужского пола сразу же кинулись на поиски. Нашли Серёгу охотничьи собаки Игнахи. Устроили у колодца такой лай, будто медведя на поляне держали... Умные у Игнахи псы, вся деревня ему завидует.

Дядя Гриша заканчивал сезон сбора металлолома позднее всех мужиков, когда в тех же самых полях уже не пройти было без лыж. До пенсии он трудился доярком, плотником, пастухом, скотником и трактористом, мотался из одного конца огромного колхоза в другой, и до сих пор отлично помнил, куда выкидывали старые траки от «гусеничников», где были помойки и свалки у заброшенных ныне животноводческих комплексов. В этих случаях совесть дядю Гришу совсем не мучала, потому что он сам своими руками поднимал когда-то эти опустевшие и обветшавшие ныне многочисленные коровники, мастерские, кузницы, мельницы, зерносушилки, склады. Либо строил их, либо работал здесь. Так что теперь дядя Гриша, как и другие колхозники, чувствовал себя полноправным хозяином руин и развалин. А дети, племянники и внуки – наследники. Пусть молодые не стесняются, приезжают и забирают, что хотят. Для них и строилось всё это. Пусть страна другая, но ведь и в ней жизнь продолжается. Можно что-то найти, сдать в металлолом и купить хлеб, чай, лекарства, бензин для дрынки...

Одежда дяди Гриши стала коричневой от ржавчины, железная пыль въелась в лицо и заглубившие руки. От пилы-болгарки, от острых крючьев и металлических углов брюки и фуфайки быстро рвались и приходили в негодность, поэтому он менял одежду нечасто, так и ходил в рванине. По ночам, как и у всех крестьян, у него ныли ноги от варикозного расширения вен. Днём всецело отдаться работе, забыться в ней, как бывало в молодости, мешал сахарный диабет. Три раза в день – уколы инсулина, да не забыть вовремя поесть, да прихватить с собой сахар, белый хлеб или карамельку, чтобы не загиновать* и не впасть в кому...

Причём сахар дядя Гриша, как назло, всё время забывал. Раз собирал металл на брошенной животноводческой ферме у деревни Сестрилка, почувствовал – голову кружит, сразу понял – сахар в крови падает! Побежал к деревне, постучался в первую же избу, и у вышедшей навстречу старушки попросил хлеба. Дома потом рассказывал: «Она вынесла мне полбатона, и такая испуганная! Совсем, видать, от людей отвыкла. Места-то глухие... Я жую, а сам спрашиваю: «Много ли жителей-то у вас в Сестрилке осталось?». Она отвечает: «Трое нас, трое!» Да как побежит от меня в избу! Только засовы застуча-

*Загиновать (на сленге врачей и больных диабетом) – впасть в состояние, когда сахар в крови опускается ниже допустимой нормы.

ли». Сыновья с женой смеялись до колик, как только представили оборванного и грязного дядю Гришу и худенькую старушку, которая осмелилась подать хлеба бродяге. «Батя, ты б её ещё спросил: а богато ли живёте?» – зубоскалил весёлый, как южные тётки, младший сын Игнаха.

Тогда в Сестрилке улов тоже хороший был, но не чета ваннам для зерна! Вот это удача так удача! Дядя Гриша ликовал, но под вечер случилась беда: уже под конец работы от железного листа под болгаркой отлетела окалина – металлическая раскалённая опилка, и попала – будь неладна! – прямо под левое веко. Стружку дядя Гриша тут же неловко выцарапал почерневшими от ржавчины нечуткими пальцами. Боль осталась. И вот теперь он лежал в своей спальне и косился правым глазом то на икону Спасителя, то на маленькое окно, которое хотел заменить на пластик. Сквозь шум болгарки в голове вспоминалось, как строил избу. Денег у них с Танюхой на стройку не было, оба – безотцовщина, нищета голимая, где уж тут рабочих нанять? Одни штаны на двоих носили – спортивные синенькие. Зимой в морозы идёт утром Гриша на ферму слесарить, спортивные у него под брюками. А ночью на «родилке» Танюха дежурит: её очередь в синих штанах поверх чулок щеголять...

Гриша хитрил: садился на сруб и ждал пока мимо по деревне пойдёт какой-нибудь мужик, подзывал прохожего и просил помочь то бревно заворотить на стену, то доску придержать... Так и строился. «Спасибо, дед Коля – царство небесное – советы давал, что и как. А то ведь совсем пацан был, гвоздь толком забить не умел», – думалось дяде Грише. Он утешал себя: ничего, построил дом-то и четверых сыновей в нём вырастил. Даст Бог и правнуки тут же поднимутся. А глаз заживёт. Обязательно заживёт.

Сегодня с утра старшая сноха позвонила в районную поликлинику. Сотовый телефон долго не мог поймать сеть, но всё-таки минут через пятнадцать дозвонились. В регистратуре ответили, что приём окулиста начнётся с половины девятого. Наняли машину за триста рублей – а как иначе? До остановки пешком пять километрик, автобусы два раза в день – утром и вечером, да и то не всегда останавливаются. Приехали в райцентр, подошли к окошечку на запись. «Талончики кончились на сегодня», – заявила медсестра. Делать нечего, спросили талончик на завтра или хоть на платный приём. «Платного приёма у нас нет, а с завтрашнего дня врач в отпуске», – равнодушно ответила девица. Ни уговоры, ни ругань не помогли. Пришлось

возвращаться домой, не солоно хлебавши. Купили в аптеке какие-то капли, но от них опухоль на глазу только выросла ещё больше, а зажгло так, что дядя Гриша не сдержал стонов.

После обеда, как вернулись из райцентра, младшая сноха позвонила в областную офтальмологическую больницу: сказали, что экстренный приём по обычному полису есть с четырёх вечера. Дядя Гриша отдыхал перед следующей поездкой и заранее переживал, да подсчитывал расходы – шестьсот рублей за наём машины, да наверняка, пусть и с полисом, но бесплатно из деревни не примут, ещё рублей пятьсот на врача, вот тебе и минус тысяча с металла-то... А главное – снова ругаться, умолять, объяснять...

Кое-как дядя Гриша поднялся с постели и по стеночке выполз на кухню. Танюха с сыновьями сидели за столом, беседовали, пили чай. Младшая сноха укладывала чистое бельё, только что принесённое с верёвки на улице. Вкусно пахло крепкой заваркой и свежестью. Уезжать из этого домашнего рая в чужую, неизвестную Вологду теперь ещё больше не хотелось.

– Танюха, не поеду я в город-то... Может, так пройдет? – дядя Гриша тяжело опустился на диван, но сидеть не смог, тут же снова прилёг.

– Нельзя, Гриша, не ехать, что ты! – всплеснула руками жена. – Не шутки! Посмотри глаз-то как распух! Всё металл твой! Пилил бы в очках-то, как другие мужики!

– Да пойми ты, Танька, что не вижу я ни фиги в этих очках! Зрение-то из-за диабета совсем упало!

– Вот что, батя, могу я тебе помочь, но только знай, что лечить буду коровьим лекарством, – вдруг заявил Игнаха, пресекая споры родителей. Он не выносил разногласий между отцом и матерью, как и все дети, выросшие в семьях, где родители почти не ссорятся. – Щас до фермы добегу и вернусь.

– Лечи, сына, чем хочешь, но в город не поеду! – только и отозвался дядя Гриша.

Не допивая чая, Игнаха сорвался с места. Вернулся скоренько, и получаса не прошло. С собой он принёс пластиковый шприц.

– Это, батя, мазь такая, название не выговорить мне, антибиотик, от мастита коров лечат... Хорошо от глаз помогает, много уже кто пробовал. Девки-доярки говорят, от порезов сильных спасает даже. Бабы привет тебе передавали, кстати... Щас под веко тебе спущу немного, только ты не дёргайся, ради Христа! – Игнаха присел

к отцу на диван, аккуратно, но быстро оттянул бате левое веко и из шприца капнул чем-то густым и белым. Запахло лекарством. Татьяна перевязала больной глаз мужа чистой косынкой.

– Уснёшь ты сейчас, батя, а как проснёшься, много легче станет, – дал прогноз Игнаха, и как в воду глядел. Боль как-то рассосалась, истончилась, ослабла. Дядя Гриша заснул прямо тут же на диване на кухне. Его только укрыли простынкой от мух, да выгнали детей погулять на улицу, чтоб не шумели...

На следующее утро дядя Гриша уже весело глядел двумя глазами – и правым, и левым, сидел за столом на кухне, пил чай с горячим пирожком из русской печки. Танюха сегодня напекла любимых Гришиных соченьков с капустой, и теперь вместе мужем чаёвничала.

– Как ты, батя, здоров? – заходя в избу, спросил Игнаха. Он работал скотником, и только что вернулся с ночной смены на ферме.

– Здоров, Игнаха! Болит ещё немного, да ты мне снова закапашешь мазюки своей – хорошо помогает! Всю ночь спал прям вот тут на диване!

– Это хорошо, – присаживаясь за стол, заулыбался сын. – А то я иду, думаю, батя-то у меня, уж, может, мычит, да в поскотине пасётся!

Родители отозвались смехом.

– Проверь, Танюха, может, у меня где и вымя выросло! – предложил дядя Гриша и ласково ущипнул жену за локоток.

– Выросло, так доить будем! Главное, чтоб без мастита! – смеясь, ответила ему супруга.

Закончив завтрак, дядя Гриша отправился заводить дрынку, а Татьяна бережно завернула в целлофановый пакет шприц с остатками лекарства и убрала свёрток в холодильник: и муж, и сыновья, и племянники, и соседи – все металл пилят, ещё не раз пригодится.

Из цикла «Дорогие вещи»

«Ветер с моря дул»

«Ветер с моря дул, ветер с моря дул, надувал беду, надувал беду», – напевала моя тётушка Лида вслед за магнитофоном. Она сидела у стола, подперев щеку, а по лицу у тёти Лиды текли слёзы.

В песне у поп-певицы Натали дул лёгкий морской бриз, он лучше продаётся, особенно в сочетании со стандартным набором для видеоклипа: пальмы, песок, девушки в бикини...

В той же песне в исполнении тёти Лиды ветер дул совсем другой – тот самый, с моря-окияна, с острова Буяна, где лежит белгорюч камень. Тот самый ветер, что гнал корабли в царство славного Салтана, тот самый ветер, что летал над водами, когда они ещё не были отделены от земной тверди. Безжалостный и безучастный ветер судьбы, из-за которого жених тёти Лиды пропал без вести в армии, сын был убит в пьяной драке, а отец (мой дедушка) вернулся с Великой Отечественной войны с вырванной лопаткой и раком желудка. Этот злой ветер украл у моей тётушки много родных и любимых людей, и тётя Лида не пела, а заклинала его, приказывая и умоляя навсегда улететь из её жизни, её семьи, её деревни...

У тёти Лиды была душа артистки, голос певицы и судьба крестьянки. Бабушка рассказывала мне: «Лидёне года 3–4 было, а уж ходила со мной коров доить. Наберёт охалку соломы, и саму за этой соломой не видать». Была война, а потом послевоенные годы. Коровы стояли полупрозрачные от голода. За ними ухаживали такие же голодные доярки и еле живые от недоедания дети. После такого детства и юности моя тётушка могла бы вырасти неразговорчивой и угрюмой, а она была весёлая и красивая, с жарким сердцем.

Тётя Лида говорила мне: «Я ведь одна у тебя такая – бешеная тётушка!» Она и, правда, была в чём-то бешеная. Например, как-то раз в мой день рождения тётя Лида пришла меня поздравить в шесть утра – охалка холодных и мокрых от росы лилий упала на мои босые ноги. «А чего удивляешься? – смеялась тётушка. – Ты же в шесть утра и родился!» Она была единственным взрослым зрителем на моём первом рок-концерте, организованном у меня дома. Она участвовала в святочных играх вместе с подростками. Она никому не отказывала в ночлеге – даже цыганам, которые приезжали в нашу деревню

торговать постельным бельём и бензопилами. Кстати, цыгане не только ни разу не обокрали её, но ещё и устраивали вместе с тётей Лидой весёлые попойки под гармонь и гитару, звали погостить в таборе. Мою тётушку всю жизнь до самой старости обожали мужчины и дети, не просто любили, а именно обожали – до дрожи, до хруста в локтях при объятиях. Теперь, когда мои песни повзрослели вместе со мной, я, вспоминая мою «бешеную тётушку», спрашиваю себя: а какой ветер в них дует?

Красный велосипед

Когда я был ребёнком лет шести-семи, мой папа приобрёл для меня велик. Это был новёхонький синий «Орлёнок». Покупка далась отцу не просто. Это сейчас даже из нашей отдалённой деревни можно доехать до города и обратно на такси по вполне сносной асфальтовой дороге. Во времена моего детства асфальт на дороге был жидким – натуральная экологически чистая грязь. Папа отнесил по ней пять километров до автобусной остановки, съездил в райцентр, купил «Орлёнок», также на рейсовом автобусе вернулся обратно, и, держа за сиденье упакованный в бумагу велик, прикатил двухколёсного друга своим ходом.

Увидев подарок, я пришёл в ужас. Дело в том, что я уже давно мечтал о велосипеде, который собственноручно из всяких обломков собрал Саня. Этот взрослый парень (уже после армии) обладал талантом превращать кучу ржавчины и трухи в полезные механизмы. Саня всегда был гением технической мысли, и если бы не доступность алкоголя в сельпо и не безответная любовь к продавщице Нинке, наверняка, работал бы сейчас инженером-конструктором.

Велосипед модели «Саня-1987» был ярко-красным. На руль изобретатель «присобачил» (именно так выразился Саня) два зеркала от трактора. На переднем колесе, украшенном россыпью катафотов, стояла мощная «динамка», и благодаря ей, под рулём включался фонарь. По тем временам, когда никто не знал, что такое bmx, это был улётный тюнинг. И самое главное: пацаны не один раз проводили испытание – красный велик был самым быстрым в деревне.

Увидев новый «Орлёнок», похожий на целый велопарк точно таких же велосипедов, я разрыдался, понимая, что моей красной «веломечте» не сбыться никогда. Меня тут же начали ругать всей семьёй за капризность, неблагодарность и избалованность. Все. Кроме папы.

Узнав причину моего горя, он улыбнулся, вместе со мной пошёл к Сане и обменял новый «Орлёнок» на красное потрёпанное счастье.

Тогда отца все дружно бранили за методы моего воспитания, но он не поддался. Он знал, что в будущем, как у всякого человека, меня ждёт немало чёрных полос, но я обязательно из них выведу. На красном велосипеде.

Дедушка

«Вот, тятя, пирожков тебе принесла... Не много тебе при жизни белого хлебца-то довелось поесть», – мама бережно выкладывает на зелёный мох могилы, как на скатерть, куски пирога. Я не знал своего дедушку. Он умер после войны, до того, как я родился. Его судьба сложилась как у тысячи тысяч крестьян того времени. Родился в многодетной семье. Работал столько, сколько не работают даже каторжане в каменоломнях. Влюбился в свою двоюродную сестру и, несмотря на протесты родных и священника, женился на ней. Говорил покаянно: «Пусть это будет мой грех, я за него и отстрадаю». По рассказам бабушки, сколько бы ни приходилось страдать, никогда не унывал: «А как улыбнётся, на щеках появятся ямочки! Как у твоей сестры Марины, точно такие же! А ловкий был, как твой брат Женья, и рыбак заядлый. Раз щуку поймал, домой несёт: голова у рыбыны на плече лежит, а хвост по земле волочится».

Иногда выпивал и, выпив, становился ещё более кротким, только пел весёлые песни. Стал отцом пяти дочерей и трёх сыновей, двое из которых умерли малышами. Иногда хлеба в такой большой семье ему не доставалось – ни черного, ни белого. Зато у него были дети и песни, песни и дети. Воевал он под Ленинградом. В это время бабушка сбежала от голодной смерти из родной деревни в Мурманск, там жила её сестра. Ехала на поезде с детьми больше недели: состав часто надолго останавливали. Когда все доставали свертки и начинали есть, старшая пятилетняя Нина отворачивалась к стене. Младенец Валентин повисал на пустой груди. Но дети молчали. На третий день Нину спросил кто-то из пассажиров: «Девочка, а почему вы никогда не кушаете?» «А мы из колхоза. У нас нечего», – ответил ребёнок. Со всего вагона им понесли продукты, у кого что было. Так доехали до Мурманска. Выжили и вернулись. И дед тоже выжил и вернулся. Получил ранение – из спины вырвало лопатку, заболел раком желудка. И остался таким же весёлым и кротким. На единственной сохранившейся послевоенной фотографии он одет в костюм. На самом деле

у дедушки костюма никогда не было. Он фотографировался в такой ветхой одежде, что пиджак и галстук фотохудожнику пришлось дорисовать. На этом снимке дедушка улыбается. Его улыбка отражается в улыбках восемнадцати внуков и полсотни правнуков. И у некоторых из нас на щеках появляются ямочки.

Друзья детства

Друзей моего детства не встретишь ни на «Одноклассниках», ни «ВКонтакте». Друзья моего детства – это девять старушек и три старика из отдалённой маленькой деревушки, где я вырос. Кроме меня, детей в деревне больше не было, так что я был внуком пусть не полка и не взвода, а, скажем, отделения пенсионеров.

Каждый из них вёл постоянную борьбу за жизнь. Ветеран войны дядя Саша страдал от частых сердечных приступов из-за контузии, полученной при обороне Ленинграда. Каждый раз ему вызывали скорую из райцентра, но медики так долго добирались до нашей деревни, что приступ к их приезду сам по себе ослабевал. Бригада ругалась из-за «ложного» вызова, но всё же дяде Саше делали какие-то уколы. Однажды старику не поверили и не приехали... Вместе с дядей Сашей не стало весёлых наигрышей гармонии, под которую на посиделках летом плясали и пели частушки все мои девять бабушек.

Веселее всех частушки получались у тёти Ени. У неё был огромный нос кривым огурцом, она опиралась на суковатую палку и по виду напоминала чабана с гор, особенно когда пасла овец. Её единственный сын без вести пропал на службе в армии. Как и все доярки, выйдя на пенсию, тётя Еня так и не научилась просыпаться позднее четырёх утра. Её навещали дальние родственники: увозили сумками овощи с её огорода, а взамен оставляли чай и карамель с вышедшим сроком годности. Тётя Еня всегда радовалась гостям.

Друзья моего детства, как и я, жили в ожидании каникул, особенно летних и новогодних, только я ждал отдыха, а они – детей и внуков. Друзья моего детства никогда не жаловались на скуку. Наоборот, весной и летом им вечно не хватало времени, чтобы закончить со всеми делами на грядках. А зима – это пора рукоделия и сказок, и каждая из моих девяти бабушек легко сдала бы экзамен на почётную «Арину Родионовну» высшего разряда. Сейчас друзья моего детства переселились в другую деревню: в ту, что отражается в прозрачных лужах после дождя, но я-то знаю, как и где их найти.

Содержание

Медведь с заплатой на ухе.....	3
Наследники.....	17
Из цикла «Дорогие вещи».....	24
«Ветер с моря дул».....	24
Красный велосипед.....	25
Дедушка.....	26
Друзья детства.....	27

Наталья Мелёхина

Медведь с заплатой на ухе

Уважаемые читатели!

Ваши впечатления, отзывы и предложения присылайте
в «Издательско-производственный центр «Легия»

по адресу:

160031, г. Вологда, ул. Октябрьская, д. 19, к. 116.

Телефон: (8-8172) 21-17-24.

В серии «Здравствуйте. Я пишу...» в 2008–2011 гг. вышли книги:

Охапкин Сергей «После вьюги приходит покой»,

Янлокова Алиса «То, что мною замечено»,

Горохова Ольга «Свет тишины»,

Никитаева Виктория «Исполнение желаний почему»,

Касецкая Алла «Любящим посвящается».

[45p]

Подписано к печати 01.05.2012. Формат 60х84 1/16. Печать – ризограф.

Усл. печ. л. 1,6. Уч.-изд. л. 0,6. Тираж – 150 экз.

ООО «ИПЦ «Легия»,

160031, Вологда, Октябрьская, д. 19, к. 116

29.12.11 Оценки

26.03.15 - Хохлов

11.03.15 - Хохлов

9.12.17 Соловьев

5.12.18 - 31908

28.03.19 - Вол. УБС

20.12.19 Лукишина

11.12.2019 Лукишина

26.10.20 - В. Окб

18.03.2021 36280

03.10.2021 26131

25.08.2022 МБА

13.04.20 037

Наталья Мелёхина

родилась в небольшой деревне Грязовецкого района Вологодской области. Хотела стать только профессиональным рок-музыкантом, однако закончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского государственного педуниверситета, после чего пришла на работу в областную газету «Премьер – новости за неделю». И хотя ее рубрика книжных рецензий и короткие эссе имели большой успех, журналистика уводила Наталью все дальше и от музыки, и от стихов и прозы, но... сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит! Несколько лет назад Наталья создала группу «Имаго», для которой пишет тексты и часть музыки, а в прозе попробовала себя совсем недавно. «Какими бы извилистыми ни были твои пути в жизни, линию Судьбы не перекроить», – считает Наталья.

